

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.3.9>

UDC 81'42:808.1
LBC 81.055.52

Submitted: 15.01.2024
Accepted: 09.04.2024

SPEECH MASKING OF AUTHORSHIP IN CONFLICT-PRONE TEXTS: LINGUISTIC, LEGAL AND PSYCHOLOGICAL ASPECTS

Igor V. Ogorelkov

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Yulia A. Frolova

Moscow Research Center, Moscow, Russia

Tatiana V. Myatlik

Moscow Research Center, Moscow, Russia

Abstract. The article introduces a comprehensive interdisciplinary approach to authorship speech masking identification and classification as a research domain of the linguistics of lies. The material for the study was a corpus of conflict-prone texts, which, among other things, contained deliberately falsified information about the author. The paper discloses the issues of conflict-prone texts authorship investigation. It presents the description of the main types of speech masking and linguistic ways of their expression. The legal aspects of the concept are revealed, in particular, the description of crimes is given, the compositions of which may include a speech masking of authorship. Some features of the subjective side of the offense (intent, motive) are studied, thus it enables qualifying the speech behavior of a person as a disguise. The psychological aspect of speech masking in the author's text is highlighted, trends in psychological influence orientation in the context of various types of its implementation are noted. The comprehensive study resulted in the establishment and description of the types of authorship masking. Based on the study of the text array, the linguistic and psychological characteristics of each of the diagnosed types of disguise were identified in terms of legislative norms and relevant law enforcement practice.

Key words: linguistics of lies, conflict-prone text, speech masking, idiostyle, imitation of authorship, denotation encoding.

Citation. Ogorelkov I.V., Frolova Yu.A., Myatlik T.V. Speech Masking of Authorship in Conflict-Prone Texts: Linguistic, Legal and Psychological Aspects. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2024, vol. 23, no. 3, pp. 109-123. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.3.9>

УДК 81'42:808.1
ББК 81.055.52

Дата поступления статьи: 15.01.2024
Дата принятия статьи: 09.04.2024

РЕЧЕВАЯ МАСКИРОВКА АВТОРСТВА В КОНФЛИКТОГЕННЫХ ТЕКСТАХ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ, ПРАВОВЫЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Игорь Витальевич Огорелков

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия

Юлия Андреевна Фролова

Московский Исследовательский Центр, г. Москва, Россия

Татьяна Валерьевна Мятлик

Московский Исследовательский Центр, г. Москва, Россия

Аннотация. В статье предложен комплексный междисциплинарный подход к выявлению речевой маскировки авторства и ее классификации. Материалом для изучения послужил корпус конфликтогенных текстов, которые содержат заведомо ложную информацию об авторе. И.В. Огорелковым раскрыты актуальные проблемы диагностического автороведческого исследования текстов конфликтогенной направленности, описаны виды речевой маскировки и языковые способы ее реализации. Ю.А. Фроловой выполнено изучение понятия «речевая маскировка» с точки зрения российского законодательства: охарактеризованы преступления, состав которых может включать речевую маскировку авторства, выделены особенности компонентов субъективной стороны преступления (умысел, мотив), позволяющие квалифицировать речевое поведение лица как маскировку. Т.В. Мятлик осуществлен психологический анализ речевой маскировки в авторском тексте, отмечены тенденции направленности психологического воздействия в контексте различных видов его реализации. В результате комплексного исследования определены виды речевой маскировки авторства: были установлены лингвистические и психологические параметры каждого из диагностированных видов маскировки в аспекте законодательных норм и соответствующей правоприменительной практики.

Ключевые слова: лингвистика лжи, конфликтогенный текст, речевая маскировка, идиостиль, имитация авторства, кодировка денотата.

Цитирование. Огорелков И. В., Фролова Ю. А., Мятлик Т. В. Речевая маскировка авторства в конфликтогенных текстах: лингвистические, правовые и психологические аспекты // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2024. – Т. 23, № 3. – С. 109–123. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.3.9>

Введение

Ложь – это намеренное искажение информации с целью создать у адресата неверное представление о чем-либо или привести его к неправильным выводам. В.А. Маслова пишет: «Нет такой сферы человеческой деятельности, где не встречалась бы ложь. Будучи сложным переплетением интенциональных, когнитивных и нравственных аспектов, ложь сопровождает человеческую коммуникацию и реализуется в ней, знаменуя конфликт между нормой, моралью и правдой как одной из фундаментальных бытийных ценностей» [Маслова, 2004, с. 221]. В последние годы в связи с повышением уровня экстремистской и террористической угрозы все более актуальной становится задача обнаружения лжи, поскольку от ее решения напрямую зависит уровень национальной безопасности.

Психологический подход к определению искаженной информации заключается в установлении психологического состояния лгущего человека. В качестве фундаментального труда в области психологии специалистами признается работа П. Экмана, определяющего ложь (обман) «как действие, которым один человек вводит в заблуждение другого, делая это умышленно, без предварительного уведомления о своих целях и без отчетливо выраженной со стороны жертвы просьбы не

раскрывать правды» [Экман, 2022, с. 22–23]. Существенным моментом для психологического исследования ложного высказывания являются такие параметры лжи, как полнота ложной информации, нормативность или ненормативность лжи, наличие / отсутствие намерения обмануть собеседника.

Лингвистическое обоснование феномена ложного высказывания начинается с работы Х. Вайнриха «Лингвистика лжи», в которой ложь определяется как неотъемлемое свойство языка: «...языковая ложь, если понимать вещи буквально, – это большинство таких риторических фигур, как эвфемизмы, гиперболы, эллипсис, двусмысленности, виды и формулы вежливости, эмфаза, ирония, слова-табу, антропоморфизмы и т. д. Для истины в языке остается только узенькая улочка. Это, как можно предположить, простое повествовательное предложение, так любимое логикой» [Вайнрих, 1987, с. 46].

В исследованиях Г.Г. Матвеевой, А.В. Ленец, Е.И. Петровой вводится понятие ложного речевого акта – вида речевого действия, «при совершении которого отправителем намеренно нарушается ожидаемое получателем соблюдение принципов и правил речевого общения» (см., например: [Матвеева, Ленец, Петрова, 2014, с. 105]).

В современных реалиях лингвистическое изучение феномена лжи становится одним из

приоритетных направлений юрислингвистики (о перспективах развития данного научного направления см.: [Ленец, 2009; Шаховский, 2005; Dietz, 2001; Fairclough, 2003]).

В зарубежной и отечественной науке наблюдается большой интерес к мало изученной проблеме определения лжи в конфликтногенных текстах [Закатов, 1984; Литвинова, Середин, 2013; Иссерс, 2020; Falkenberg, 1982]. Такие исследования имеют междисциплинарный характер. Автороведы и лингвисты, психологи и юристы объединяют свои усилия, чтобы выявить значимые различия между «правдивыми» и «ложными» текстами, а затем установить наличие или отсутствие в тексте признаков намеренно искаженной информации [Дайлоф, 2019]. Для решения поставленной задачи необходим исследовательский корпус, содержащий как «правдивые», так и «ложные» тексты. Составление этого корпуса (так называемого «Банка лжи») – самостоятельная научная задача, на решение которой направлено комплексное исследование конфликтногенных текстов различного объема и содержания, проводимое научным коллективом ГБУ г. Москвы «Московский Исследовательский Центр».

Для выявления маркеров лжи в тексте необходим синтез достижений и методов лингвистики, автороведения, юриспруденции и психологии, корпусные исследования на большом материале [Алексеева, 2011]. Принципиально важным для решения задач, связанных с разработкой методик обнаружения ложных высказываний в тексте, является положение о том, что выбор способов построения ложного речевого акта в дискурсе в значительной мере определяется индивидуально-психологическими, социально-биографическими особенностями автора, а также обстоятельствами, в рамках которых реализован каждый конкретный речевой акт.

Индивидуально-психологические особенности автора способны повлиять на удержание, хранение и переработку им той или иной информации с дальнейшим ее преобразованием в текст, который представляет собой самостоятельный продукт речемыслительной деятельности. Социально-биографические особенности (в частности, своеобразие субъективного опыта, социальный статус, уро-

вень возрастного развития, уровень правовой, языковой, текстовой и коммуникативной компетентности) связаны с оценкой информации, способностью к ее содержательной интерпретации и к дешифровке ее характера и значения, а также с передачей ее третьим лицам в виде, выбранном адресантом (исходном, маскированном, искаженном и т. д.). Внешними обстоятельствами обусловлена стратегия реализации адресантом речевого акта, интенций на сообщение истинных или ложных сведений.

В контексте вышеописанного особый интерес представляет изучение речевой маскировки лжи в текстах конфликтногенной направленности как одно из наиболее актуальных направлений лингвистики лжи.

Речевая маскировка представляет собой сознательное изменение автором текста формально-содержательной (смысловой) и языковой структуры своей письменной речи с целью скрыть от адресата информацию о своей личности или дать заведомо ложную информацию [Гомон, 1992, с. 45].

В общеупотребительном значении лексема *маскировка* (от глагола *маскировать* – скрывать что-н., представлять не тем, что есть в действительности) указывает на использование неких средств, приемов с целью сокрытия истинного положения дел (БТСРЯ; НСРЯ).

Основными целями речевой маскировки следует считать:

- 1) сокрытие от адресата и/или контрагента значимой информации об авторе;
- 2) предоставление адресату и/или контрагенту заведомо ложной информации о своей личности;
- 3) дискредитацию автора первичного текста путем создания нового (вторичного) текстового продукта на основе существующего текста.

С юридической точки зрения мотивы совершения противоправных действий посредством написания текстов, содержащих признаки речевой маскировки, могут быть различны (например, половое влечение может стать мотивом преступления против половой свободы и неприкосновенности, корысть – преступления в сфере экономической деятельности, национальная ненависть или вражда – преступления экстремистского характера и т. д.), однако

мотивом речевой маскировки всегда является необходимость сокрытия информации о некоем противоправном действии и его компонентах (субъекте такого действия, объекте преступного посягательства и их свойствах). Именно указанная особенность представляется существенной для квалификации того или иного коммуникативного акта как речевой маскировки.

При широком подходе к пониманию речевой маскировки обнаруживается тенденция объединения в его рамках большого круга разнородных языковых процессов, разных речевых стратегий, дискурсивных практик, имплицитных способов передачи информации [Баранов, 2007]. Например, «маскирующим» потенциалом обладают элиминация, эллипсис, намек, эвфемизация, средства невербальной коммуникации и другие. В то же время использование названных приемов необязательно предполагает реализацию коммуникативной установки на сокрытие информации и может быть обусловлено принципом экономии речевых усилий. Таким образом, при определении объема данного понятия следует руководствоваться функционально-прагматическим подходом – ориентироваться в первую очередь на то, с какой целью было применено речевое средство.

Значительное количество научных исследований в автороведении и лингвистике демонстрирует необходимость разграничения в рамках видовой классификации понятия эвфемии и маскировки как самостоятельных, функционально противопоставленных речевых стратегий [Козлов, Саженина, 2016; Москвин, 2007]. Так, при эвфемии состав участников коммуникации следующий – адресат, адресант, иногда третье лицо (от которого информация не скрывается, а только смягчается наименование отдельных процессов или предметов). В ситуации маскировки коммуникантами являются адресат, адресант и контрагент (в роли которого часто выступает реальный или предполагаемый представитель закона).

С учетом этого тезиса возможность разграничения видов речевой маскировки и определения способов их выражения в языке, обоснованная в трудах лингвистов, автороведов, психологов, юристов, представляется объективной. Гипотезой данного исследования является следующее предположение: диф-

ференциация признаков речевой маскировки в конкретном конфликтогенном тексте, а также установление вида речевой маскировки возможны в рамках комплексного междисциплинарного подхода с учетом лингвистических, психологических и правовых аспектов классификации речевого преступления.

Материал и методы

Материалом для исследования послужили письменные русскоязычные тексты конфликтогенной направленности (авторы – представители различных половозрастных групп; орфография и пунктуация оригинала сохранены) с элементами речевой маскировки, размещенные в открытом доступе. Общий корпус эмпирического материала составил 1000 авторских текстов объемом более 100 словоупотреблений каждый. К исследованию привлекались письменные тексты политического, бытового, производственного, научного дискурсов, в том числе с использованием Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

На предварительном этапе анализа был проведен отбор группы текстов с лингвистическими и психологическими признаками речевой маскировки; изучены компоненты субъективной стороны преступления (умысел, мотив), позволяющие квалифицировать речевое поведение автора конфликтогенного материала как маскировку. Отбор таких материалов способствовал исключению из дальнейшего комплексного анализа тексты, содержащие элиминацию, эллипсис, намек, эвфемизмы, и тексты с низкой частотностью признаков письменной речи автора.

При оценке пригодности объекта для комплексного анализа учитывался ряд требований: а) текст документа должен был представлен полностью, рассматриваться как завершенный; б) объем текста представленного документа должен составлять не менее 100 словоформ для его анализа по критериям устойчивости и полноты реализации речевого навыка; в) направленность текста должна быть конфликтогенной; г) текст должен содержать информацию об условиях коммуникации, ее участниках и их действиях, а также сведения об устанавливаемых обстоятельствах уголовного дела.

Итогом анализа текстового корпуса русскоязычных текстов конфликтногенной направленности стали выявление и классификация видов маскировки и способов их выражения. Объем текстового корпуса («Банка лжи») с элементами речевой маскировки авторства составил 735 текстов.

Результаты и обсуждение

Результаты выполненного нами анализа российского уголовного законодательства и правоприменительной практики показывают, что ложь и обман в коммуникативном поведении могут образовывать состав различных преступлений. Условно такие нормы можно разделить на две группы:

1) сообщение ложных сведений является целью достижения преступного результата (например, ст. 306 УК РФ «Заведомо ложный донос», ст. 307 «Заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод», ст. 128 «Клевета», ст. 207 УК РФ «Заведомо ложное сообщение об акте терроризма»);

2) сообщение ложных сведений является способом достижения иного преступного результата (см. подробнее раздел «Исследовательские результаты и их интерпретация»).

Согласно проведенному исследованию, конфликтногенные тексты, содержащие признаки речевой маскировки, характеризуются как созданные с прямым умыслом, то есть субъект преступления (автор спорного текста) осознавал общественную опасность своих действий, предвидел возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желал их наступления [Уголовный кодекс..., 1996]. Например, при написании текста, содержащего заведомо ложную информацию о готовящемся террористическом акте в торговом центре, субъект действий понимал, что передаваемые сведения не соответствуют действительности, предвидел последствия их передачи (в частности, мобилизацию сил специальных служб быстрого реагирования, эвакуацию посетителей и сотрудников торгового центра и т. д.), и желал наступления таких последствий, в связи с чем осознанно создал текст с применением имитации авторства.

В результате проведенного комплексного анализа представленного текстового массива («Банка лжи») было установлено 4 вида речевой маскировки авторства:

1. Подстройка под письменную речь конкретного лица.

2. Искажение значимых особенностей идиостиля автора.

3. Имитация авторства.

4. Шифрование значимой информации.

Кратко охарактеризуем каждый из видов речевой маскировки и способы их выражения.

1. Для выполнения **подстройки** адресанту необходим первичный текст (или группа текстов) конкретного лица, в котором отражены различные признаки письменной речи адресата – смысловые и языковые. Смысловыми считаются такие признаки письменной речи автора, которые отражают автобиографическую и фактическую информацию. Данные признаки легко поддаются подстройке; автору вторичного текста достаточно упомянуть несколько рядовых фактов, привести отдельные стандартные слова и выражения из первичного текста (в частности, возможно прямое и не прямое цитирование) [Ионова, 2006].

Однако имеется множество таких языковых признаков письменной речи автора первичного текста, которые не поддаются подстройке в их системном взаимодействии. Отдельные элементы данной системы в принципе повторимы и доступны стилизации, но вся система признаков (в основном языковых) остается неповторимой для каждого автора, в том числе и автора конфликтногенного текста.

Поэтому в рамках комплексного анализа экспертом устанавливается совокупность признаков письменной речи автора / авторов первичного и вторичного текстов, определяется степень информативности выявленных совпадений. При наличии в сравниваемых материалах только низкоинформативных совпадений (преимущественно смысловых признаков) и при установлении видимых различий языковых, текстологических и психолингвистических признаков следует говорить о подстройке под письменную речь конкретного лица – автора первичного текста.

Рассмотрим пример подобного вторичного текста из «Банка лжи» (материалы пер-

вичных текстов-источников подстройки в данном экспертном случае не приводятся в виду их большого объема).

Текст № 1

Папуля я получила от мамы весточку. УРА!!!! Наши с тобой ожидания оправдались она жива и очень нуждается в моей поддержке. Я разговаривала с ней по телефону. рассказала о наших делах про БАРТИКА. ментов. опеку и как умный Коля с родственниками меня выматывают. Мама сказала сохранить все в строгой тайне. никому ни слова. ни ментам. ни родственникам ни тебе. Мама ждет меня. нам надо с ней срочно довести денежное дело до конца в Питере и за границей. где нужно мое присутствие. Мы очень богаты папуля. Я взяла самое необходимое. наши загран паспорта и срочно уезжаю с Маминим секретарем Виктором на машине. Он наш друг. многое про меня знает и ему можно доверять. Кстате Мама очень важный человек в одной интересной организации. Ты единственный был прав. Не волнуйся за меня мы тебя и Диму не бросим. Мама тоже очень переживает по другому – никак. Следи за хозяйством и Бартусей. при первой возможности перезвоню или напишу. Пап скажи классной что заболела а с работой я сама свяжусь. Я не хочу никому звонить. можешь сказать только малой и Боре. Это мое письмо сотри и никому-никому так Мама велела. Целую. люблю тебя. до скорой встречи. Катя.

В данном примере, являющемся (наряду с любыми другими текстами) отражением личностных особенностей адресанта, помимо речевых средств, направленных на реализацию подстройки, используются такие приемы психологического воздействия, как моделирование ситуации энигматичности и дефицита времени (... *срочно уезжаю с Маминим секретарем; Это мое письмо сотри и никому-никому так Мама велела...*), апелляция к семейным ценностям (*Целую. люблю тебя. до скорой встречи.*), к выраженным положительным чувствам, в сочетании с демонстрацией субъективной значимости событий, о которых повествуется (*Папуля я получила от мамы весточку. УРА!!!! Наши с тобой ожидания оправдались она жива и очень нуждается в моей поддержке.*), применение речевой тактики по типу информационной перегруженности (содержательно текст представлен отрывистыми разнонаправленными, неконкретными фактами; отсутствуют уточняющие элементы). Перечисленные приемы выступает «маски-

рующим» потенциалом и образуют массив средств, затрудняющих идентификацию подлинного авторства. Целью их использования является снижение критичности адресата при оценке и интериоризации полученных из данного текста сведений с помощью эмоционального убеждения адресата в том, что они изложены именно тем автором, от чьего имени они предьявлены. Направленность воздействия на эмоциональную сферу адресата тенденциозно наиболее частотна в контексте подстройки.

2. **Искажение значимых особенностей идиостиля автора** может быть представлено в конфликтных текстах в трех разновидностях: за счет снижения уровня грамотности, изменения уровня культуры речи, нейтрализации значимых характеристик письменной речи автора текста. В результате проведенного комплексного анализа текстового массива из «Банка лжи» были определены языковые средства выражения каждой из разновидностей искажения.

Так, при сознательном *снижении своего уровня грамотности* (логичнее говорить не об искажении, а о снижении, так как сознательно повысить свой уровень грамотности при составлении конфликтного текста практически невозможно) автор изменяет те признаки, которые характерны для его уровня грамотности (высокого, среднего или низкого) [Изотова, 2020]. Таким образом, при снижении уровня грамотности возникает определенная контаминация признаков письменной речи, свойственных различным уровням грамотности (например, соблюдение / несоблюдение одного и того же синтаксического, пунктуационного правила; верное / неверное написание слова или словосочетания; соблюдение более сложных для усвоения правил орфографии и несоблюдение простых и даже элементарных).

В то же время выделение некоторых элементов контаминации написания различных слов, словосочетаний и предложений недостаточно для того, чтобы утверждать наличие в анализируемом тексте искажения идиостиля автора за счет снижения уровня грамотности. Необходимо в рамках комплексного анализа установить совокупность признаков письменной речи автора в исследуемом конфликтном тексте, и только после анализа их

взаимоотношения и взаимозависимости делать вывод о присутствии в тексте элементов искажения идиостиля автора за счет снижения уровня грамотности.

В рамках проведенного научно-практического исследования, связанного с формированием «Банка лжи», были выявлены следующие, наиболее характерные языковые средства выражения данной разновидности искажения:

– соблюдение и несоблюдение одного синтаксического, пунктуационного, орфографического правила;

– соблюдение сложных синтаксических, пунктуационных, орфографических правил и несоблюдение простых;

– написание части слов в соответствии с разговорной транскрипцией и части – в соответствии с правилами написания;

– верное и неверное с точки зрения орфографии написание одного и того же слова или словосочетания.

Приведем пример конфликтного текста из «Банка лжи», в котором установлены признаки искажения значимых особенностей идиостиля автора за счет снижения уровня грамотности.

Текст № 2

Господин мэр!

Вынуждены Вас предупредить последний раз! Терпеть больше не будем. Если дальше у нас в районе полка не будет света, а в домах блатных он будет сделаем поравну никому так не кому.

Вырубим всю Анапу надолго. Мало не покажется. За скотов нас держать не дадим. Если чириз неделю на Кирова будет так же плохо пиняйте на себя и своих блатных.

Срок неделя, время пошло.

Мы рядом, но искать бесполезно. Пусть будет или всем хорошо или всем очень плохо. Делайте выводы, а то за ваше повидение потом поздно будет оправдываться. Вот и все, что мы хотели Вам сказать помните об этом.

В тексте значимым орфографическим признаком искажения идиостиля автора за счет снижения уровня грамотности является, например, соблюдение и несоблюдение одного и того же орфографического правила (*терпеть – повидение, больше – дальше, никому – не кому*). Психологическое воздействие в данном примере реализуется посредством

апелляции к вычурности при интерполяции в текст примитивных грамматических ошибок с достаточно высокой частотностью (*дальше, чириз, оправдываться*), что направлено на интериоризацию адресатом навязанных и целенаправленно встроенных реальным автором установок об особенностях (в данном случае связанных с уровнем грамотности / владения русским языком) предъявляемого автора, и, как следствие, на оценку адресатом содержательной составляющей текста через призму данных установок. Мишенью такого психологического воздействия выступает в первую очередь рациональная (когнитивная) сфера адресата: частота встречаемости заурядных ошибок способствует искажению образа автора текста в представлении адресата и влияет на снижение его критичности при оценке содержательного аспекта изложенной в тексте информации. Направленность воздействия на рациональную сферу адресата тенденциозно наиболее частотна в контексте искажения значимых особенностей идиостиля автора за счет снижения уровня грамотности.

Использование данного вида речевой маскировки характерно для лиц, совершающих преступления против половой свободы и неприкосновенности несовершеннолетних, предусмотренных главой 18 УК РФ, а также ст. 242.1 «Изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних» и 242.2 «Использование несовершеннолетнего в целях изготовления порнографических материалов или предметов».

В таких случаях искажение идиостиля зачастую направлено на эмоциональную сферу несовершеннолетнего адресата: в рамках диалогового общения автор, руководствуясь установкой на реализацию желаемых для себя противоправных намерений, нацелен на формирование и сохранение заинтересованности ребенка в поддержании коммуникации с ним, на формирование ореола доверия к себе в том трансформированном образе, в котором представил себя. При такой коммуникации ребенок, особенно малолетний, в силу естественно-возрастного развития с высокой вероятностью может оказаться неспособным понимать характер и значение осуществляемых с ним действий, их социальное значение и внутреннее

содержание, проявить недостаточную критичность при оценке ситуации и предмета коммуникаций, а также личности коммуниканта (автора, реализующего искажение идиостиля). Искаженные представления о коммуниканте и цели поддержания им общения способствуют существенному ограничению выбора ребенком оптимальных стратегий поведения в процессе взаимодействия с автором.

Тем самым коммуникант сознательно искажает собственную письменную речь (среди прочего допускает множественные ошибки орфографического и пунктуационного характера, снижая общий уровень грамотности, что согласуется со смысловыми характеристиками текста, в частности, с опорой на референтные и привлекательные для несовершеннолетнего темы, демонстрацией осведомленности об интересах, характерных для детей) с целью ее уподобления речи лиц, составляющих детскую возрастную группу.

Кроме того, осознавая противоправность своих действий, лицо, совершающее преступление, руководствуется необходимостью сокрыть информацию о своей личности не только от ребенка, но и от правоохранительных органов.

Искажение значимых особенностей идиостиля автора за счет изменения уровня культуры речи практически не встречается в конфликтогенных материалах отдельно, а реализуется в сочетании с искажением за счет снижения уровня грамотности. В то же время необходимость выделения релевантных признаков письменной речи, характерных для этой разновидности искажения, обусловлена тем, что в данном случае исследуются лексический и стилистический уровни текста, которые определяются собственными средствами выражения и подчиняются своим правилам.

Потребность в установлении признаков письменной речи, свойственны определенному уровню культуры речи, обусловлена тем, что при сознательном изменении уровня своей культуры речи автор искажает те признаки, которые свойственны для уровня его культуры речи – высокого, среднего или низкого (логичнее говорить об изменении, а не о снижении, поскольку в редких случаях автор, сознательно используя, например, средства образности речи, лексические кальки, фразеоло-

логические обороты, которые он обычно не употребляет в своей письменной речи, в какой-то степени повышает уровень своей культуры речи). При изменении (снижении или повышении) автором уровня своей культуры речи возникает определенная контаминация признаков, свойственных различным уровням культуры речи.

Выделив весь комплекс взаимозависимых лексических и стилистических признаков и проанализировав характер их взаимоотношений, можно сделать вывод о наличии в тексте элементов искажения значимых особенностей идиостиля автора за счет изменения уровня культуры речи (например, употребление подряд нескольких тропов в предложении, где корректнее использовать их обычный словесный эквивалент; стилистически не оправданное употребление жаргонизмов, арготизмов в сочетании с лексическими единицами научного или публицистического стилей).

Приведем пример конфликтогенного текста из «Банка лжи», в котором установлены признаки искажения значимых особенностей идиостиля автора за счет изменения уровня культуры речи.

Текст № 3

Сколько можно терпеть безобразное отношение ваших работников к своим обязанностям. Я, можно сказать, отец одиночка, вторую неделю пытаюсь вызвать сантехника, а меня кормят одними обещаниями. Куда вы смотрите при подборе кадров! Кроме того, что гнида сантехник Николаев А.Н. работает в 10 местах он пьет как полковая лошадь. Он постоянно приходит пьяным на вызов по ремонту забитой окурками раковины. То у него нет запасных частей, то прокладок, то он откровенно вымогает деньги на бутылку. Таких работников надо гнать в 3 шеи. Я же не виноват, что у меня гуманитарное образование и я не в состоянии отличить прокладку для этой вашей трубы от .... впрочем, это не важно. Важно то, что у меня капает а временами, можно сказать, течет в 33 струи, не считая мелких брызг. Короче, не заткнете дыру до вторника, я ее заткну вашими ... впрочем это не важно.

В приведенном примере стилистическим признаком искажения идиостиля автора за счет изменения уровня культуры речи следует считать, например, смешение разностилевой лексики в сравнительно небольшом тексте (*гнать в 3 шеи; кормят одними обеща-*

ниями; *пьет как полковая лошадь – гнида сантехник; Короче, не заткнете дыру до вторника, я ее заткну вашими*).

«Маскировке» идиостиля автора в данном тексте служат такие приемы психологического воздействия, как апелляция к эмоционально насыщенным, оценочным высказываниям (*он пьет как полковая лошадь; Таких работников надо гнать в 3 шеи*) и апелляция к речевым конструкциям со значением угрозы-предупреждения (*Короче, не заткнете дыру до вторника, я ее заткну вашими... впрочем это не важно*), что нацелено на формирование у адресата (в первую очередь у целевого адресата) искаженного представления об особенностях (в данном случае связанных с уровнем культуры речи) автора. Соотносимые с созданным образом предьявляемого автора установки адресата влияют на оценку им содержательной составляющей текста. Вышеописанное направлено как на эмоциональную, так и на рациональную сферы адресата и в совокупности способствуют снижению его критичности при оценке содержательного аспекта изложенной в тексте информации (по аналогичному с описанным выше механизмом психологического воздействия при искажении авторского идиостиля за счет снижения уровня грамотности).

Нейтрализация значимых характеристик письменной речи автора как одна из разновидностей искажения встречается в экспертной практике редко и очень трудна для комплексного анализа.

Выделению группы признаков, характерных для данной разновидности искажения, должен предшествовать тщательный анализ текста. Он осуществляется на лексическом, синтаксическом, стилистическом, орфографическом и пунктуационном уровнях. Специфика выявления нейтрализации обусловлена тем, что доказать ее наличие в тексте можно на основе анализа соотношения низко-, средне- и высокоинформативных признаков, установленных в письменной речи автора. После сопоставления этих признаков между собой эксперт делает вывод о нейтрализации значимых характеристик письменной речи автора. Все признаки подобного рода имеют низкую информативность. Таким образом, если доминирующую роль в тексте играют низкоинфор-

мативные признаки письменной речи (более 70 % от общего количества выявленных признаков), то можно предположить наличие в тексте искажения идиостиля автора за счет нейтрализации значимых характеристик его письменной речи.

Признаки данной группы входят, вместе с признаками, характеризующими искажения идиостиля автора за счет снижения уровня грамотности и изменения уровня культуры речи, в общий комплекс лингвистических особенностей, на основании оценки которых в целом принимается решение о наличии или отсутствии в тексте элементов искажения идиостиля автора.

Проиллюстрируем вышесказанное на примере конфликтногенного текста из «Банка лжи», в котором установлены признаки искажения значимых особенностей идиостиля автора за счет нейтрализации значимых характеристик письменной речи.

Текст № 4

Уважаемый Владимир Николаевич!

Коллектив прокуратуры обращается к Вам с просьбой о немедленном вмешательстве и принятии мер по оздоровлению конфликтных взаимоотношений между прокурором области и подчиненными ему работниками.

За незначительный период времени Иван Сергеевич создал невыносимые условия для осуществления квалифицированного прокурорского надзора. Вся его деятельность направлена не на борьбу с преступностью в области, а на избавление от коллектива прокуратуры.

В данном примере искажение идиостиля автора за счет нейтрализации значимых характеристик письменной речи реализуется посредством использования таких приемов психологического воздействия, как расширение единоличного мнения до коллективного (*Коллектив прокуратуры обращается*), уклонения от конкретизации, соположенное с апелляцией к эмоционально насыщенным, оценочным высказываниям и речевым конструкциям с внешнеобвинительным значением (*За незначительный период времени Иван Сергеевич создал невыносимые условия*), что в совокупности способствует возникновению затруднений у адресата не только при содержательной оценке общего мас-

сива информации в тексте (в частности, какая именно деятельность *Ивана Сергеевича* критикуется / осуждается, кто конкретно из *коллектива прокуратуры* критикует / осуждает и пострадал от его деятельности), но и определении конкретного автора данного текста. Тем самым, мишенью такого психологического воздействия выступает в первую очередь рациональная (когнитивная) сфера адресата.

Обобщая вышеописанное, представляется значимым отметить: в контексте исследования текстов из «Банка лжи» с искажением идиостиля автора было установлено, что наиболее частотна реализация автором приемов психологического воздействия, направленных на рациональную сферу адресата, на его аргументированное убеждение в создании текста именно тем лицом, от имени которого он представлен (аргументация заложена в грамматической структуре текста, в построении речевых конструкций, в выборе лексических средств и т. д.). Автор ориентирован на сокрытие собственных социально-биографических особенностей (в частности, языковой и коммуникативной компетентности, уровня образования), сочетаемую с имитацией определенных, интересующих его языковых и культурных норм, на предъявление их в виде, представляющемся ему наиболее эффективным для деидентификации самого себя. Психологический анализ использованных автором средств выразительности и конкретности лексики (отражающей объем знаний автора в рамках затронутых в исследуемом тексте тем), анализ однородности когнитивной сложности текста в данном контексте может быть вспомогательным для лингвистического и автороведческого исследования средством экспликации действительного (без искажения) речевого поведения автора.

3. **Имитация авторства** как один из видов речевой маскировки достаточно часто встречается в конфликтогенных текстах. Например, в них может содержаться информация о личности автора, от имени которого сгенерирован текст: *Меня зовут Илья Борисов, я работаю в исследовательском центре, мне 33 года.* Эта фактическая, тематическая, автобиографическая информация о личности автора служит основанием для выде-

ления в тексте смысловых признаков письменной речи. Однако при дальнейшей обработке текста эксперт выявляет признаки, которые не свойственны письменной речи лица, от имени которого составлен текст (например, в тексте, выполненном от имени женщины, эксперт выделяет комплекс лингвистических, текстологических и психолингвистических признаков, которые в основном свойственны текстам, написанным мужчиной). В этом случае целесообразно ввести в автороведческое исследование новое понятие – имитация авторства.

Таким образом, имитация авторства представляет собой создание конфликтогенного текста от имени лица с другими социально-биографическими характеристиками, что влечет за собой изменение смысловых признаков письменной речи и малой части лингвистических (например, изменение категории рода).

Представим пример конфликтогенного текста из «Банка лжи», в котором установлены признаки имитации авторства мужчиной.

Текст № 5

Доброе утро, идиот!

Еще раз, не дай бог, я увижу, что ты так паркуешь машину, что аж не даешь мне выехать с утра, я тебе уши оторву и покалечу. Каждый день одно и то же «ты больной ? Заняться нечем ?!»

Я знаю, где ты живешь, знаю как выглядит твоя жена с сынишкой. Я тебя предупредила, все будет зависеть от моего настроения! Порежу тебе шины или краску поцарапаю и это в лучшем случае, в худшем заявлюсь к тебе домой и разговор будет другой, спрошу со всей семьей, соседушка!

P.S. Покрасить то машину от царапин легко, а вот врачи нынче дорогие!

Раиса Семенова

Данный вид маскировки является традиционным для автороведческой экспертизы. Автор-мужчина подписывает конфликтогенный текст женским именем, при этом пытается примитивно имитировать женский стиль. На это указывает использование глагола в женском роде (*предупредила*), восклицательных предложений, слов с уменьшительно-ласкательным суффиксом (*соседушка*). В то же время в тексте содержатся признаки мужской письменной речи (наличие высказываний угрожающего характера, категорич-

ность суждений, аргументированность, обоснованность, конкретность изложения).

С психологической точки зрения, в имитации личности автора (в данном примере реализованной посредством приписывания авторства женщине через указание ее персональных данных) заложена установка адресанта на абберриционная самопрезентация, на приписывание себе тех характеристик, которыми в действительности он не обладает (они могут быть связаны с полом, возрастом, принадлежностью к той или иной профессиональной группе и т. д.), или, напротив, на нивелирование некоторых из них. Подобная установка служит наиболее ярким примером управления впечатлениями адресата, и в данном случае направленность психологического воздействия опциональна, она может быть обращена как на эмоциональную, так и на рациональную сферу адресата. При этом такая имитация зачастую основана на стереотипах адресанта о той или иной характеристике, в связи с чем особое внимание необходимо обращать на содержательные противоречия в тексте. Стереотипность подразумевает наличие схематизированных, обобщенных представлений об особенностях и/или типичном поведении представителей той или иной группы, тем самым маркерами имитации может быть клишированность, формальность предъявления тех или иных сведений. Установление имитации авторства требует оценки комплекса признаков в рамках лингвистического и автороведческого исследования, вместе с тем, учет психологического аспекта потенциально служит дополнительным средством подтверждения полученных в их рамках результатов.

4. Следующим видом речевой маскировки следует считать **шифрование значимой информации**, которая делится на три разновидности:

- кодировка денотата;
- сокрытие содержания коммуникации;
- нейтрализация конфликтного в высказывании.

При **кодировке денотата** для обозначения табуированного смысла вместо соответствующей речевым конвенциям единицы используется альтернативная номинация, которая не связана с денотативным содержанием исходного понятия. Подобная замена всегда ситуативно или контекстуально обус-

ловлена и, как правило, имеет коммуникативную пресуппозицию: либо коммуниканты заранее договариваются об использовании речевого кода (например, вместо *денеги* говорят *сладоcти*), либо имеют представление о ситуации взаимодействия, что позволяет правильно декодировать смысл передаваемого сообщения даже при отсутствии предварительной договоренности.

Данный вид речевой маскировки нередко выступает в качестве способа совершения различных преступлений в силу своей универсальности: зашифровано может быть наименование любого материального объекта, имеющего отношение к планируемому / совершенному преступлению, а также само противоправное действие и пути его реализации.

Так, кодировка денотата является неотъемлемой частью речевых действий коммуникантов, обсуждающих совершение операций с предметами и веществами, оборот которых ограничен на территории РФ (например, ст. 222 «Незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка, пересылка или ношение оружия, основных частей огнестрельного оружия, боеприпасов»). Сюда же следует отнести преступления коррупционной направленности, субъекты которых нередко используют неконвенциональные значения номинаций для маркировки передаваемых материальных ценностей.

Важной задачей при анализе конфликтных материалов по антикоррупционным делам становится выявление **сокрытия содержания коммуникации**. В речи участников коммуникации используются специальные приемы маскировки содержания разговора. Значимая информация в таких текстах представлена в имплицитной форме (путем отказа от обсуждения темы или элиминации темы), при этом ее случайная дешифровка посторонними лицами невозможна.

При сокрытии содержания коммуникации в тексте первоочередно будут обнаруживаться приемы психологического воздействия, направленные на снижение критичности адресата (не посвященного в конкретный речевой код) при оценке им массива содержательной составляющей воспринимаемой информации (в том числе за счет ее частичной утраты и/или переключения внимания на декодирование алогич-

ных, выбивающихся по смыслу фрагментов текста / высказываний) [Доронина, 2015].

Важное значение в экспертной практике имеет вопрос установления в исследуемых текстах такой разновидности речевой маскировки, как **нейтрализация конфликтогена в высказывании** – части формы или семантики высказывания, которая может стать поводом для преследования говорящего по закону.

В работе М.А. Осадчего «Русский язык на грани права» установлены типовые формулы ухода от правового риска и их частотность:

- манифестация субъективности;
- затемнение денотата;
- разорванная предикация;
- деавторизация;
- автореабилитация [Осадчий, 2016].

Психологическое воздействие при нейтрализации конфликтогена тенденциозно направлено на эмоциональную сферу адресата. Наиболее типичны такие приемы, как сверхобобщение, апелляция к высказываниям, содержащим ссылку на обезличенный источник информации, эксплуатация общепринятого негативного отношения к тому или иному явлению (например, насилию, взяточничеству и т. д.) за счет его упоминания в качестве характеризующего то, о чем сообщается в тексте (*Каждому очевидно, что...; Всякий раз приходилось слышать о том, что...; Уже давно известно, что у наших подчиненных совершенно нет совести; Многие люди согласятся, что...; Во всех законах мира это признано...*). Целью использования указанных приемов служит доведение до сведения адресата определенных встроек, заложенных адресантом текста, и формирование у адресата определенно коннотируемых, соответствующих установкам адресата представлений / отношений.

В настоящее время установление и доказывание наличия признаков речевой маскировки письменной речи автора конфликтогенного материала посредством кодировки денотата, сокрытия содержания коммуникации и нейтрализации конфликтогена в высказывании осуществляется в рамках экспертного исследования путем лексико-семантического анализа (с опорой на контекст и коммуникативную ситуацию). Вместе с тем отмеченные психо-

логические закономерности могут служить дополнительным подтверждением сделанных экспертных выводов.

Полученные результаты научного исследования являются релевантными для текстов, написанных на русском языке с учетом особенностей русской речевой культуры.

Выводы

Применение комплексного подхода к анализу текстов конфликтогенной направленности для установления признаков речевой маскировки автора показало, что он не противоречит существующим автороведческим и лингвистическим подходам к анализу конфликтогенных текстов и при этом научно обосновывает возможность их исследования на базе психологических и лингвистических признаков (в рамках правового поля). Сочетание различных подходов к решению указанной диагностической задачи должно значительно повысить верифицируемость получаемых в ходе автороведческих и лингвистических экспертиз сведений о речевой маскировке авторства в конфликтогенных материалах.

Предложенный метод анализа, базирующийся на сочетании методов лингвистического и психологического анализа и учете норм российского законодательства, не тождествен методике исследований в области изучения характеристик идиостиля автора. При диагностике речь должна идти об устойчивых признаках, позволяющих устанавливать черты языковой личности. Перспективной задачей современной автороведческой диагностики должно стать выделение скрытой и неосознаваемой части речевой деятельности, стереотипных речевых проявлений, поиск новых единиц анализа, совершенствование методов их исследования.

Разработка новых и уточнение существующих методов проведения автороведческих и лингвистических исследований с целью выявления речевой маскировки авторства имеет не только прикладное значение, но и обогащает лингвистическую теорию, стимулируя развитие всех ее направлений, расширение инструментария и объектов экспертного анализа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеева Т. А., 2011. Лингвистический, психологический и психолингвистический подходы к изучению речи в криминалистике // Вестник Томского государственного университета. № 344. С. 111–114.
- Баранов А. Н., 2007. Лингвистическая экспертиза текста. М. : Флинта. 592 с.
- Вайнрих Х., 1987. Лингвистика лжи // Язык и моделирование социального взаимодействия : Переводы / сост. В. М. Сергеева, П. Б. Паршина ; общ. ред. В. В. Петрова. М. : Прогресс. С. 44–87.
- Гомон Т. В., 1992. Судебно-автороведческая экспертиза текстов документов, составленных с намеренным искажением письменной речи : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М. 96 с.
- Дайлоф Е. Л., 2019. О терминологическом смысле понятия «маскировка» в контексте судебной лингвистической экспертизы // Юрислингвистика. № 11. С. 24–28.
- Доронина С. В., 2015. «Командир! Может, договоримся?»: приемы дискурсивного анализа в лингвистической экспертизе текстов по антикоррупционным делам // Политическая лингвистика. № 3 (53). С. 245–249.
- Закатов А. А., 1984. Ложь и борьба с нею. Волгоград : Нижневолж. кн. изд-во. 88 с.
- Изотова Т. М., 2020. Намеренное искажение письменной речи как предмет автороведческого исследования // Юрислингвистика. № 17 (28). С. 19–21. DOI: 10.14258/leglin(2020)1705
- Ионова С. В., 2006. Аппроксимация содержания вторичных текстов. Волгоград : Изд-во ВолГУ. 320 с.
- Иссерс О. С., 2020. Более полувека под зонтиком коммуникативных стратегий // Коммуникативные исследования. Т. 7, № 2. С. 243–256. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(2)
- Козлов А. Е., Саженина Я. Х., 2016. Семантические и прагматические показатели маскировки в экономических преступлениях // Лингвокультурология. С. 167–186.
- Ленец А. В., 2009. Стратегии и тактики лингвистики лжи // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. № 1 (149). С. 126–129.
- Литвинова Т. А., Середин П. В., 2013. Поиск признаков лжи в письменном тексте: современные методы и подходы // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. № 24. С. 126–133.
- Маслова В. А., 2004. Когнитивная лингвистика. Минск : ТетраСистемс. 256 с.
- Матвеева Г. Г., Ленец А. В., Петрова Е. И., 2014. Основы прагмалингвистики. М. : Флинта ; Наука. 232 с.

- Москвин В. П., 2007. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка. М. : ЛЕНАНД. 260 с.
- Осадчий М. А., 2016. Русский язык на грани права. М. : URSS. 256 с.
- Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон № 63-ФЗ : ред. от 23 марта 2024 г. : принят Гос. думой 24 мая 1996 г., одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/
- Шаховский В. И., 2005. Человек лгущий в реальной и художественной коммуникации // Человек в коммуникации: аспекты исследования. Волгоград : Перемена. С. 173–204.
- Экман П., 2022. Психология лжи. СПб. : Питер. 304 с.
- Dietz S., 2001. Der Wert der Lüge. Über das Verhältnis von Sprache und oral. Paderborn : mentis Verlag. 244 S.
- Falkenberg G., 1982. Lügen: Grundzüge einer Theorie sprachlicher Täuschung. Tübingen : Niemeyer. 140 S. (Linguistische Arbeiten ; 86).
- Fairclough N., 2003. Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research. L. ; N. Y. : Routledge. 270 p.

ИСТОЧНИК

- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorgora.ru>

СЛОВАРИ

- БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2000. 1536 с.
- НСРЯ – Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. В 2 т. Т. 2. М. : АСТ ; Апрель, 2000. 1088 с.

REFERENCES

- Alekseeva T.A., 2011. Lingvisticheskiy, psikhologicheskiy i psikholingvisticheskiy podkhody k izucheniyu rechi v kriminalistike [Linguistic, Psychological and Psycholinguistic Approaches to the Study of Speech in Criminology]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], no. 344, pp. 111-114.
- Baranov A.N., 2007. *Lingvisticheskaya ekspertiza teksta* [Linguistic Examination of the Text]. Moscow, Flinta Publ. 592 p.

- Vaynrikh H., 1987. Lingvistika lzhi [The Linguistics of Lies]. Sergeeva V.M., Parshina P.B., Petrov V.V., eds. *Yazyk i modelirovanie sotsialnogo vzaimodeystviya: Perevody* [Language and Modeling of Social Interaction. Translations]. Moscow, Progress Publ., pp. 44-87.
- Gomon T.V., 1992. *Sudebno-avtorovedcheskaya ekspertiza tekstov dokumentov, sostavlenykh s namerennym iskazheniem pismennoy rechi: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Forensic Expert Examination of the Texts of Documents Drawn Up with Deliberate Distortion of Written Speech. Cand. jurid. sci. abs. diss.]. Moscow. 96 p.
- Daylof E.L., 2019. O terminologicheskom smysle ponyatiya «maskirovka» v kontekste sudebnoy lingvisticheskoy ekspertizy [On the Terminological Meaning of the Concept of “Masking” in the Context of Forensic Linguistic Examination]. *Yurilingvistika* [Jurislinguistics], no. 11, pp. 24-28.
- Doronina S.V., 2015. «Komandir! Mozhet, dogovorimsya?»: priemy diskursivnogo analiza v lingvisticheskoy ekspertize tekstov po antikorrupcionnym delam [“Commander! Can We Come to an Agreement?”: Techniques of Discursive Analysis in the Linguistic Examination of Texts on Anti-Corruption Cases]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], no. 3 (53), pp. 245-249.
- Zakatov A.A., 1984. *Lozh i borba s neyu* [Lies and the Fight Against Them]. Volgograd, Nizhnevolsk. kn. izd-vo. 88 p.
- Izotova T.M., 2020. Namerennoe iskazhenie pismennoy rechi kak predmet avtorovedcheskogo issledovaniya [Intentional Distortion of Written Speech as a Subject of Author’s Research]. *Yurilingvistika* [Jurislinguistics], no. 17 (28), pp. 19-21. DOI: 10.14258/leglin(2020)1705
- Ionova S.V., 2006. *Approksimatsiya sodержaniya vtorichnykh tekstov* [Approximation of the Content of Secondary Texts]. Volgograd, Izd-vo VolGU. 320 p.
- Issers O.S., 2020. Boleve poluveka pod zontikom kommunikativnykh strategiy [More Than Half a Century Under the Umbrella of Communication Strategies]. *Kommunikativnyye issledovaniya* [Communication Studies], vol. 7, no. 2, pp. 243-256. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(2)
- Kozlov A.E., Sazhenina Ya.Kh., 2016. Semanticheskie i pragmaticheskie pokazateli maskirovki v ekonomicheskikh prestupleniyakh [Semantic and Pragmatic Indicators of Disguise in Economic Crimes]. *Lingvokulturologiya* [Linguoculturology], pp. 167-186.
- Lenets A.V., 2009. Strategii i taktiki lingvistiki lzhi [Strategies and Tactics of the Linguistics of Lies]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Severo-Kavkazskiy region. Obshchestvennyye nauki* [Bulletin of Higher Educational Institutions. North-Caucasus Region. Social Sciences], no. 1 (149). pp. 126-129.
- Litvinova T.A., Seredin P.V., 2013. Poisk priznakov lzhi v pismennom tekste: sovremennyye metody i podkhody [Searching for Signs of Falsehood in a Written Text: Modern Methods and Approaches]. *V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kulturologii* [In the World of Science and Art: Issues of Philology, Art History and Cultural Studies], no. 24, pp. 126-133.
- Maslova V.A., 2004. *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive Linguistics]. Minsk, TetraSistems Publ. 256 p.
- Matveeva G.G., Lenets A.V., Petrova E.I., 2014. *Osnovy pragmalingvistiki* [Fundamentals of Pragmalinguistics]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ. 232 p.
- Moskvin V.P., 2007. *Evfemizmy v leksicheskoy sisteme sovremennogo russkogo yazyka* [Euphemisms in the Lexical System of the Modern Russian Language]. Moscow, LENARD Publ. 260 p.
- Osadchiy M.A., 2016. *Russkiy yazyk na grani prava* [The Russian Language Is on the Verge of Law]. Moscow, URSS Publ. 256 p.
- Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii: Federalnyy zakon № 63-FZ: red. ot 23 marta 2024 g.: prinyat Gos. dumoy 24 maya 1996 g., odobren Sovetom Federatsii 5 iyunya 1996 g.* [The Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law No. 63-FZ: As Amended on March 23, 2024: Adopted by the State Duma on May 24, 1996, Approved by the Federation Council on June 5, 1996]. URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/
- Shakhovskiy V.I., 2005. Chelovek lgushchiy v realnoy i khudozhestvennoy kommunikatsii [A Person Who Lies in Real and Artistic Communication]. *Chelovek v kommunikatsii: aspekty issledovaniya* [Man in Communication: Aspects of Research]. Volgograd, Peremena Publ., pp. 173-204.
- Ekman P., 2000. *Psihologiya lzhi* [The Psychology of Lying]. Saint Petersburg, Piter Publ. 304 p.
- Dietz S., 2001. *Der Wert der Lüge. Über das Verhältnis von Sprache und oral*. Paderborn, mentis Verlag. 244 S.
- Falkenberg G., 1982. *Lügen: Grundzüge einer Theorie sprachlicher Täuschung*. Tübingen, Niemeyer. 140 S. (Linguistische Arbeiten; 86).
- Fairclough N., 2003. *Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research*. London, New York, Routledge. 270 p.

SOURCE

Natsionalnyy korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>

DICTIONARIES

Kuznetsov S.A., ed. *Bolshoy tolkovyy slovar russkogo yazyka* [Large Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg, Norint Publ., 2000. 1536 p.

Efremova T.F. *Novyy slovar russkogo yazyka. Tolkovno-slovoobrazovatelnyy. V 2 t. T. 2* [New Dictionary of the Russian Language. Explanatory and Word-Formative. In 2 Vols. Vol. 2]. Moscow, AST Publ., April Publ., 2000. 1088 p.

Information About the Authors

Igor V. Ogorelkov, Candidate of Sciences (Philology), Head of the Laboratory of Legal Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute, Academica Volgina St, 6, 117485 Moscow, Russia, ogorelkov.69@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5116-3975>

Yulia A. Frolova, Chief Expert, Department of Linguistic Expert Research, Forensic Speech Studies Office, Moscow Research Center, Nizhnyaya Syromyatnicheskaya St, 5, Bld. 3, 105120 Moscow, Russia, yuliafrolova1@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0002-8088-2607>

Tatiana V. Myatlik, Deputy Head of the Department of Psychological Expert Research, Forensic Speech Studies Office, Moscow Research Center, Nizhnyaya Syromyatnicheskaya St, 5, Bld. 3, 105120 Moscow, Russia, tatiana40ina13@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0006-3280-7134>

Информация об авторах

Игорь Витальевич Огорелков, кандидат филологических наук, заведующий лабораторией юридической лингвистики, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, ул. Академика Волгина, 6, 117485 г. Москва, Россия, ogorelkov.69@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5116-3975>

Юлия Андреевна Фролова, главный эксперт отдела лингвистических экспертных исследований Управления судебного речеvedения, Московский Исследовательский Центр, ул. Нижняя Сыромятническая, 5, стр. 3, 105120 г. Москва, Россия, yuliafrolova1@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0002-8088-2607>

Татьяна Валерьевна Мятлик, заместитель начальника отдела психологических экспертных исследований Управления судебного речеvedения, Московский Исследовательский Центр, ул. Нижняя Сыромятническая, 5, стр. 3, 105120 г. Москва, Россия, tatiana40ina13@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0006-3280-7134>